

Куба – любовь моя. Глава двенадцатая. По всей строгости закона

В 2020 году продолжаем публиковать оставшиеся главы воспоминаний инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»

После долгого перерыва 22 февраля состоялась очередная экскурсия нашей группы на Плайя Хирон. Выехали в 7.20, но по дороге стал барахлить двигатель. Одно время даже обсуждался вопрос: не вернуться ли домой. Дело в том, что у шофёра, «старого Хорхе», кроме отвёртки, никакого инструмента не нашлось, да он и не собирался ничего чинить, ссылаясь на то, что это – дело механиков, а его дело – водить автобус. Нас это без привычки озадачило. Всё же наши автолюбители нашли причину и устранили её: если не подводит память – на радиатор опустилась брезентовая заслонка. От плохой вентиляции двигатель начал часто закипать... Устранить «поломку» было делом минуты.

Рис. 1. Крокодила ферма

Рис. 2. Индейская деревня на сваях (реконструкция)

По дороге на Плайя Хирон заехали на крокодилю ферму. За решёткой, отгораживающей от зрителей часть болота с крокодилами, на солнце грелись несколько десятков рептилий разных размеров и возрастов (рис. 1). Затем заехали в турцентр Гуама примерно в 200 м от фермы (рис. 2). Деревня в прошлом принадлежала племени индейцев Таино, располагалась она на острове среди болот, но это её не спасло: все индейцы на острове были истреблены. Никакой оккупации, никто не жалуется...

Затем поехали на Плайя Хирон, где экскурсовод музея обстоятельно рассказала о истории разгрома контрреволюционного вторжения 16–19 апреля 1961 года. Итог был впечатляющий: из 1500 высадившихся 1200 попали в плен, 193 погибло. Кубинская сторона потеряла почти 150 человек, и практически каждому из них поставлены маленькие памятники по дороге от Плайя Хирон до Плайя Ларги.

Плайя Хирон – маленький городок на южном берегу острова Куба и одновременно на восточном берегу узкого залива Кочинос («залив свиней»), на 20 км заходящего вглубь острова и отгораживающего с востока болотистый полуостров Сапато («ботинок»), почти безлюдный из-за обилия болот, крокодилов, диких кабанов и москитов. В самой удалённой от Карибского моря точке залива находится деревушка Плайя Ларга («длинный пляж»). Вот в эту бухту Кочинос и был высажен десант. Как сказала гид, советские разведчики передали кубинцам точные сведения о времени, месте и силе высадки. Поэтому десант был встречен не пограничниками, а артиллерийским огнём, самолёты были сбиты, а десантный корабль потоплен прямо в бухте. Позже контрреволюция ни разу не осмелилась на подобную авантюру (рис. 3, 4).

Рис. 3. У въезда в городок

Рис. 4. В музее Плайя Хирон

По дороге обратно заехали в Плайя Ларгу, искупались и перекусили на природе. Я третий раз купался в водах Карибского моря (до этого – Тринидад и Сантьяго), и все три раза – в мутной воде. Правда, каждый раз купание приходилось на после обеда, когда ветер с моря поднимает приличную волну.

26 февраля в ГКЭС встретил Александра Павловича Кавычко – коллегу из нашего Волжского отдела, он приехал работать топографом в Сьенфуэгос. В этот же день Людмила принесла домой черепаху Кузю, доставшуюся после отъезда в Союз кого-то из её знакомых. Черепаха потом несколько месяцев жила у нас на балконе, где у неё был свой пластиковый «бассейн» – коробка с водой. Ела она только в воде: я нарезал ей полоски мяса, и она выхватывала их по одному из руки. Предпочитала парное, а мороженым мясом брезговала. Как-то летом Людмила завела разговор об изготовлении из черепахи чучела. Я предложил ей заняться этим делом самой, поскольку я Кузю кормил с рук и убивать не стану. Пятого августа ночью выпустил Кузю в парке.

Начал резать маску под условным названием «Гана» из светло-розового, почти белого ароматного дерева (скорее всего – австралийская сосна). Со временем в дереве что-то стало окисляться, в итоге цвет маски стал тёмно-коричневым. Работа над ней продвигалась медленно, потому что много времени отнимали шахматы.

2 марта состоялся финал командного кубка по шахматам среди советских специалистов, и наша команда «Строитель» победила со счётом 2:1 команду Минлеспром. Я свою встречу проиграл, но в целом все остались довольны (я в кубковых встречах 5 выиграл, 2 свёл вничью, последнюю – проиграл). Получили грамоты, их вручал секретарь объединённого парткома В.В. Шабрин, его зам Кураев и председатель объединённого профкома В.А. Ларин. Кроме того, получили в подарок по шахматной книге с автографами всех ведущих кубинских шахматистов (рис. 5, 6).

Из всех сыгранных мною партий запомнилась одна против представителя команды металлургов, в которой я добился ничьей в очень тяжёлой позиции. Я был без «полпешки» (у противника лишняя сдвоенная) и потратил больше времени. Задумавшись секунд на 20, я нашёл хитрый план: оттянуть короля противника за пределы зоны досягаемости поля превращения пешки в ферзи, пожертвовать ещё одну пешку, а единственной оставшейся проскользнуть мимо его пешек, и хотя мой противник двигал бы свою с такой же скоростью, но я получал ферзя с «шахом», а затем успевал забрать его проходную. Мне это почти удалось, но когда я пожертвовал свою пешку, противник задумался надолго и нашёл путь к спасению: бросился своим королём назад, и хотя мне удалось не только уравнять пешки и даже остаться с лишней, он успел занять «оппозицию». Игроки обеих команд, переживая, столпились вокруг, самым довольным был Юра Лукьянов, который по окончании партии сказал: «А я знал, что ты всё равно выкрутишься!».

Рис. 5. Команда: Самусь, Дурнев, Курбанов, Лукьянов

Рис. 6. В.В. Шабрин вручает грамоту Юре Лукьянову

Наверное, здесь уместно будет сказать несколько слов о Юре Лукьянове, строителе из Москвы, организаторе всех соревнований по шахматам во Флоресе и капитане нашей команды «Строитель». Невысокого роста, крепкий, ладно сложенный, очень контактный и безупречно вежливый, имел первый разряд по шахматам, фанатик этой игры. Команду нашу он собрал из разрозненных групп строителей, значит, в каждой побывал, присмотрелся к людям, отобрал, в итоге собрал приличную команду. В командных соревнованиях встречи проводились на трёх досках, но нас было четверо (кроме нас двоих ещё Николай Дурнев, кажется, из Подмосковья и Навзыбан Курбанов из Киргизии). Я, как самый не амбициозный, играл обычно на третьей доске, на первых двух вращалась турель. По натуре Юра был психологом и исследователем, пытавшимся проникнуть в душу противника. Однажды он мне заявил: не могу понять, что ты за шахматист: давлю тебя, давлю – кажется всё, конец, вдруг – раз! – вывернулся! Как тебе это удаётся? Я только посмеивался в ответ, говоря: не забывай, Юра: я – из Волгограда! Когда я, играя с ним «лёгкие» партии и иногда вслух оценивал свою позицию как бесперспективную, он тут же возражал: «Ничего! Выкрутишься!». И когда мне это удавалось, он сокрушался: «Ну что ты за человек! Опять вывернулся!» Как-то приходит и торжественно заявляет мне: «Всё, я понял, кто ты есть. У Н. Крогиуса (советский гроссмейстер по шахматам, защитивший диссертацию по психологии шахматной борьбы) я вычитал, что есть шахматисты, которые *любят* защищаться, и в этом залог их успеха. Ты – один из них!» Я только рассмеялся в ответ: «Юра, я и не знал, что Крогиус и этим занимается. Я же просто люблю интересно проводить время, не более».

В течение января-февраля проверял отчёты по нефтепроводам Матансас-Варадеро, выполненных кубинской стороной, передавал им свои замечания. Работал над заявкой ENIA на оборудование на 1987–88 годы в плане помощи СССР по проведению инженерно-

геологических изысканий. Одновременно въедливо вчитывался в отчёт по инженерно-геологическим изысканиям на площадке никелевого завода в Моа, где нарастало беспокойство кубинской стороны, несколько раз пришлось принимать участие в разных совещаниях с кубинцами по проблеме перспективы продолжения строительства. 1 марта я доложил в письменном виде и устно начальнику экспедиции о выявленных при прочтении отчёта 1979 года недостатках и упущениях в обосновании расчётных значений характеристик грунтов для расчётов по деформациям, а также отсутствию исходных данных для вычисления расчётных значений при оценке устойчивости склонов, кроме трёх слоёв, по которым что-то можно было в отчёте найти. Никитин, как обычно, воспринял информацию молча, оставляя себе время для раздумий и, возможно, консультаций с Москвой. В это же время я рассматривал технические задания на изыскания по комплексу глубокой переработки нефти на нефтеперегонном заводе (НПЗ) «Нико Лопес», протокол по изысканиям по метро в Гаване, консультировал по оценке устойчивости откосов и уплотнению насыпных грунтов в основании взлётной полосы аэродрома в Сантьяго, консультировал кубинских специалистов по советским нормативным документам, организовывал перевод их на испанский язык и передавал им переводы.

5 марта 1986 года утром расстроенный Володя Птицын заявил всем на работе, что вынужден уехать в Союз: сын сообщил, что не тянет учёбу в институте, и они, посоветовавшись, решили, что надо уезжать, и чем быстрее, тем лучше... Поскольку Владимир был секретарём парторганизации, его дела срочно принял Александр Сергеев, стали срочно готовить документы на отъезжающего (уехал 9 марта). При этом выяснилась настоящая причина отъезда... Оказалось, 4 марта вечером Володя, будучи заметно не трезвым, был остановлен полицейским в посёлке Наутико с увесистым кейсом у входа в дом к кубинцам. При этом он нагрубил полицейскому, а тот, обидевшись, потребовал показать, что в кейсе. Володя отказался. Полицейский доставил его в свой участок и вызвал нашего консула. В его присутствии кейс пришлось открыть, в нём оказались продукты, назначение которых он объяснить не мог. Поскольку он был задержан у входа в кубинский дом, его заподозрили в неслужебных контактах, что влекло за собой немедленную отправку в Союз, причём, не только провинившегося, но и всего «треугольника»: руководителя группы, секретаря парторганизации (увы, это был сам виновник) и председателя профсоюза. В итоге 23 марта уехали Валера Казарян и Г.И. Никитин. Интересно, что в сопровождающих характеристиках на отъезжающих истинные причины грубо и зримо не указывались. Зато пропускались некоторые *обязательные* штрихи, например, не указывалось, что неслужебных контактов не имел и т.п. Помню, при отъезде одного специалиста мы элементарно забыли написать «политически грамотен, морально устойчив». Из парткома тут же позвонили для уточнения, и когда выяснилось, что просто забыли – пришлось переписывать характеристику. Кому надо – понимали причину пропуска, по советским нормам человек с «дыркой» в характеристике автоматически становился невыездным... В связи с отъездом Г.И. Никитина Александр Сергеев стал и.о. руководителя группы, я принял у него партийные дела, Владимир Павлюк принял у Казаряна профсоюзные, а Валера Остафий стал комсомольским лидером в организации, где он был единственным работающим комсомольцем (ещё было несколько не работающих жён специалистов).

Первое, что я сделал после отъезда Никитина – написал памятку для Сергеева по никелевому заводу в Лас-Камариокас (Моа), где изложил суть проблемы, причины аварийной обстановки и предложения по разрешению кризисной ситуации. Возможно, располагая какой-то информацией от Никитина, Александр поначалу очень осторожно отнёсся к ней: зачем ты её мне даёшь и почему не отдал Никитину, пока он был здесь. На это я сказал, что

аналогичная докладная у Никитина имеется, поэтому эту в ход можешь не пускать, я даю тебе её, чтобы у тебя под рукой была объективная информация и ты в спокойной обстановке мог понять существо проблемы, что, в случае чего, поможет принять правильное решение. Я понимал, что ему, топографу, очень не просто принимать решение по напряжённому вопросу, где инструмент уже не арифметика, а высшая алгебра...

Продолжение следует...